
КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ МИЛАНА СЕДИНА
Развод с предателем.
Ты сделал меня служанкой
овницы, но я отправила те
за решётку!
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Камила Левитан
Милана Седина

Развод с предателем. Ты сделал меня служанкой любовницы, но я отправила тебя за решётку!

https://litres.ru/74730822
SelfPub; 2026

Аннотация

Я возвращалась после двенадцати часов в операционной и мечтала об отпуске с мужем. Вместо этого застала в собственной гостиной его любовницу.

Виктор объявил наш брак фикцией, вышвырнул меня из дома и лишил работы. А мою дочь отправил в интернат.

Чтобы подобраться к доказательствам, мне пришлось стать прислугой в доме семьи соперницы.

Но за изменой скрывалось нечто страшнее: исчезнувшая жена, подозрительная смерть другой и многомиллионная страховка.

Частный детектив Александр предлагает помощь, только доверять мужчинам после такого я больше не умею.

Виктор уверен, что уничтожил меня.

Он ещё не знает: я вытащу дочь, раскрою его преступления и заставлю предателя ответить за всё.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Камила Левитан, Милана Седина
Развод с предателем. Ты сделал меня служанкой любовницы, но я отправила тебя за решётку!

Глава 1

Двенадцать часов в операционной. Двенадцать часов, когда нельзя было ни потянуть затёкшую спину, ни отвлечься на часы. В пальцах осталась ломота; от кожи пахло хлоргексидином. В кармане рабочего халата лежал сложенный вчетверо листок: план отпуска в Карелии. Мы с Виктором наконец-то вырвемся из этой гонки. Он обещал. Обещал три месяца назад, глядя мне в глаза с той своей мягкой, почти покорной улыбкой, за которой я привыкла видеть любовь.

Я вышла из «Хрустальной палаты», когда небо над Петербургом уже налилось свинцом. Морось превращалась в мокрый снег, липкий и противный. Такси ехало долго, пробки на

набережной стояли стеной, но внутри меня было тихо. Хорошо. Домашне.

Ключ повернулся в замке легко. Слишком легко.

В гостиной горел свет. Не тот уютный, приглушенный свет торшера, который мы любили, а резкий, бестактный свет люстры, ударяющий по глазам после сумерек. И чужой голос. Молодой, резкий. В нашем доме так со мной ещё не разговаривали.

— Ты вообще понимаешь, что она тут? Свою мебель тащила сама, когда переезжала к тебе. Горничная, не больше.

Я замерла на пороге. Сердце сделало странный, болезненный кувырок, словно провалилось в ледяную воду.

На диване, раскинув ноги в шелковых пижамных штанах, сидела девушка. Елена. Дочь нашего главного инвестора, чью капризность Виктор терпел годами, называя её «характерной». Она крутила в руках бокал с красным вином, которое, я знала, мы покупали только для гостей, и смотрела на меня так, будто я была пятном на её идеальном ковре.

— Убери свой рюкзак отсюда, — процедила она, даже не поднявшись. — Пахнет больницей.

Мои руки сами собой сжали ремни рюкзака до побеления костяшек. Хотелось кричать. Хотелось схватить этот бокал и разбить о её лицо. Но вместо этого я прошла мимо неё, игнорируя её присутствие как воздушную пустоту. Мои туфли цокали по паркету — звук шагов человека, который знает, что имеет право здесь находиться.

Виктор сидел за обеденным столом. Перед ним лежала стопка бумаг. Он не посмотрел на меня. Ни разу. Его пальцы, такие длинные и аккуратные, которыми он всегда перебирал мои волосы перед сном, теперь ритмично барабанили по столешнице.

— Виктор, — мой голос звучал чуждо, хрипло. — Что происходит? Почему она здесь?

Он поднял голову. Взгляд был пустым. Абсолютно, стерильно пустым, как операционное поле после того, как пациента увезли.

— Подпиши, Марина. Здесь и здесь. И там, внизу.

Он протянул мне ручку. Рядом с документами лежал распечатанный договор о разводе. Дата сегодняшняя. Время — 21:45.

— Это шутка? — я усмехнулась, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Мы же говорили про отпуск. Про Карелию.

Виктор вздохнул. Тяжело, с раздражением человека, которому мешают делать важное дело.

— Никакого отпуска не будет. Брак был фикцией. Налоговая оптимизация бизнеса клиники требовала статуса женатого мужчины для получения льгот. Мотивировка исчерпана. Ты освобождаешь квартиру через час.

Час.

Слово ударило меня в солнечное сплетение сильнее, чем любой физический удар. Я смотрела на его лицо и пыта-

лась найти хоть тень прежнего Виктора. Там, где были нежность, усталость, любовь. Ничего. Только расчетливый администратор человеческих судеб.

— Ты... ты использовал меня? Все эти годы? Аня? Моя дочь?

— Ребенок твой, не мой. И соцслужбы знают, что ты нестабильна финансово. Но это детали. Главное — документы. Подписывай. Или я засужу тебя за кражу интеллектуальной собственности. Все методики, которые ты внедрила в «Хрустальной палате», зарегистрированы на клинику. А клинику контролирую я.

Его слова повисли в воздухе, тяжелые, как бетон. Кража методик? Я спасла три жизни за прошлый квартал благодаря этим протоколам. А он говорит о них как об украденном товаре.

Я потянулась к телефону в кармане. Нужно позвонить юристу. Коллеге. Кому угодно. Кто-то должен услышать этот бред.

Виктор молча забрал телефон из моей руки. Не выхватил агрессивно, а просто взял, аккуратно, как забирают игрушку у ребенка, и положил во внутренний карман своего пиджака.

— Час, Марина. Консьерж уже предупрежден. Если через час ты будешь здесь, охрана вызовет полицию за незаконное проникновение.

Я не подписала. Я просто встала. Ноги отказывались слушаться, колени дрожали мелкой, нервной дрожью. Я взяла

свой рюкзак. Внутри была смена белья, зубная щетка и фотография Ани. В этот рюкзак сейчас помещалось всё, что я могла унести. Мебель была куплена на общие деньги, но юридически оформлена на него. Одежда висела в шкафу, который тоже был его.

Выходя в коридор, я увидела, как Елена снова пригубила вино.

— Грязь под ногтем, — бросила она вслед, и в её глазах блеснуло злорадное удовлетворение.

Дверь захлопнулась.

Зима в Петербурге не спрашивает разрешения. Она врывается в открытую душу. Я стояла перед подъездом в тонком осеннем пальто, наскоро снятом с вешалки перед выходом. На ногах — туфли на каблуках, скользкие, неудобные. Снег сыпал крупными хлопьями, мгновенно превращаясь в грязную кашу на тротуаре.

Холод бил в лицо, в уши, в шею. Я попыталась вернуться внутрь. Нажала кнопку домофона. Молчание. Постучала в дверь консьержки. Та не открыла. За матовым стеклом мелькнула фигура, отвернулась. Ей заплатили. Или приказали.

Я отошла от двери. Воздух обжигал легкие, каждый вдох отдавал металлическим привкусом во рту. Я побежала к соседнему дому, в темную арку, где пахло мочой и сыростью. Прижалась спиной к ледяному кирпичу. Стена холодила позвоночник, но снаружи было хуже.

Телефона не было. Кошелька не было. Я осталась в одной рубашке и пальто.

Всё ещё хотелось проверить карман. Набрать Аню, услышать её сонный голос. Но мой телефон остался у Виктора.

Из подъезда донесся звук открывающейся двери. Я выглянула из-за угла. Виктор вышел, натягивая шарф. Он говорил по телефону. Громко, отчетливо.

— Да, все чисто. Она ушла. Пропуск заблокирован? Отлично. Скажи главврачу, что завтра утром оформляем увольнение по статье. Грубая ошибка в операции №402. Виновата Соколова.

Я замерла. Операция №402. У пациента случилась клиническая смерть из-за анафилактического шока. Анестезиолог ошибся с препаратом. Анестезиолог был другом Виктора. А я дежурила в реанимации и вытянула пациента обратно. Вытащила! А теперь это моя вина. Моя карьера, десять лет крови, бессонных ночей и слез — уничтожена одним звонком.

Виктор сел в такси. Машина укатила, оставив за собой облачко выхлопа и тишину.

Аня.

Мысль о дочери прорезала туман боли острым ножом. Аня была в интернате. Виктор забрал её туда неделю назад. «Для дисциплины», сказал он. «Ты слишком мягкая мать, ей нужен мужской контроль». Теперь я знала правду. Он готовился к этому. Он изолировал ребёнка.

Я должна была добраться до интерната. Прямо сейчас. Да-

же если пешком. Даже если умру по дороге.

Я побежала к остановке. Автобус 78 подходил к краю платформы. Двери раскрылись. Я бросилась к турникету, шаря руками по карманам пальто. Пусто. Ни монетки, ни карты. Карты были в кошельке, который остался в квартире.

Водитель посмотрел на меня через зеркало заднего вида. Его лицо было равнодушным.

— Оплатите проезд или выходите.

— Пожалуйста, — мой голос сорвался в визг. — Мне нужно в интернат. У меня нет денег.

— Правила есть правила, барышня. Выходите.

Я вышла обратно на остановку. Двери закрылись. Автобус тронулся. Я бежала за ним несколько метров, пока не споткнулась о бордюр и не упала на колени в снежную жижу. Туфля слетела. Холодная вода сразу добралась до кожи. Я вытащила её из-под скамейки и натянула на мокрую ступню.

Я сидела на остановке, обхватив себя руками. Трясло. Не от холода. От ярости. Ледяной, чистой, кристально точной ярости. Она заменяла кровь в моих жилах.

Прошло минут двадцать. Темнота сгустилась. Фонарь над головой мигал, создавая эффект стробоскопа. Каждый раз, когда свет вспыхивал, я видела своё отражение в витрине ближайшего киоска: всклокоченные волосы, синие губы, глаза, полные безумия.

Шаги. Мягкие, уверенные.

Ко мне подошел мужчина. Высокий, в темном шерстяном

пальто, воротник которого скрывал половину лица. Он не предложил помощь. Не спросил, нужна ли скорая. Он просто остановился напротив, засунув руки в карманы.

Пахло от него табаком, кожей и чем-то еще — опасностью. Запахом хищника, который почуял добычу, но решил не есть её прямо сейчас.

— Вы ведь хирург, которая спасла жизнь пациенту после ошибки анестезиолога три года назад? — спросил он. Голос был низкий, бархатный, но в нём слышался металл. — Или вас просто выбросили, как использованную перчатку?

Я подняла глаза. Слезы застыли на щеках льдинками. Я узнала его. Александр Волков. Частный детектив. Человек, с которым Виктор встречался тайно пару раз. Я думала, это бизнес-партнеры.

— Идите нахуй, — прошептала я.

Глава 2

Он не обиделся. Наоборот, уголок его рта дернулся в едва заметной усмешке.

— Жестко. Но честно. Виктор Соколов — серийный плут. Одна его жена погибла — официально самоубийство. Вторая исчезла. В обоих случаях он оформлял страховку. Вы — третья цель. Но ваша дочь... Аня... она не случайна. Она наследница состояния первой жены Виктора. Траст откроется, когда ей исполнится восемнадцать. Ваш первый муж был братом той женщины. Они не общались много лет, но в соглашении указана племянница — Аня. Пока вы представляете дочь, ни одного распоряжения без вашей подписи. Ему нужно было убрать вас. Идеальный предлог — развод и дискредитация.

Мир качнулся. Первая жена. Самоубийство. Траст. Сестру моего первого мужа я знала только по имени: они поссорились ещё до нашего знакомства. После его смерти связаться с ней не удалось. Виктор о моей прежней семье расспрашивал подробно; я принимала это за участие.

Я вспомнила неделю без Ани, разговор о «дисциплине», бумаги с заранее проставленной датой. Он готовил этот вечер, пока я выбирала нам домик в Карелии.

— Зачем вы говорите мне это? — спросила я, чувствуя, как страх сменяется холодным азартом.

Александр достал из кармана сигарету. Щелкнул зажигалкой. Огонек осветил его лицо: резкие скулы, серые глаза, шрам на брови.

— Потому что мне нужен свидетель. Не жертва. Свидетель. У меня есть доступ к документам, которые он фальсифицировал. Но мне нужен кто-то, кто сможет войти в его новый круг. Через брак с Еленой он войдет в совет директоров фонда, который управляет трастом вашей дочери.

Он протянул мне сигарету.

— Дым успокаивает нервы лучше, чем слезы, — сказал он тихо, глядя на фонарь, который мигал над головой. — У тебя есть пять минут, чтобы решить: умереть здесь от холода или пойти со мной и вернуть то, что украдено. Дочь. Имя. Жизнь.

Я смотрела на белый цилиндрик в его пальцах. Я никогда не курила. Мне противен был этот запах. Но сейчас этот запах казался запахом войны.

Я взяла сигарету. Пальцы все еще дрожали, но хватка стала железной.

— Я жива, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — И я запомню каждое слово. Каждое.

Александр кивнул. Он не улыбнулся. Он просто развернулся и пошел к черному джипу, припаркованному в тени арки.

— Садись, Марина. Нам нужно работать быстро. Виктор уже начал процесс передачи активов. У нас неделя до сва-

дьбы.

Я встала. Нога болела, туфли промокли насквозь. Но внутри меня больше не было холода. Был пожар. Маленький, тлеющий уголек злобы, который мог разгореться в пламя, способное спалить дотла его империю лжи.

Я пошла за ним. В машину. В темноту. В новую жизнь.

— Сначала в интернат, — сказала я, не дав ему включить навигатор. — Адрес я знаю.

Он посмотрел на мои мокрые туфли и прибавил обогрев. Но спорить не стал.

В интернате нас остановили у запертой решётки. Дежурная показала через стекло распоряжение опеки: «До выяснения обстоятельств». Моя фамилия, фамилия дочери. На просьбу хотя бы позвать Аню к телефону ответила: ребёнок спит, ночью воспитателей не тревожат. Я стучала, пока Александр не поймал мою окоченевшую ладонь.

— Документ сфотографируем. Утром оспорим, — сказал он. — Сейчас они её не выпустят. Ты нужна ей живой, Марина.

Я прижала лоб к стеклу. Где-то за этими окнами была моя девочка. Потом сама отняла ладонь от решётки и продиктовала ему номер распоряжения. По крайней мере, теперь я знала, с какой бумаги начать.

Мы отошли от решётки. Я оглянулась на тёмные окна интерната: где-то за одним из них спала Аня. Александр распахнул передо мной дверцу джипа, и я забралась внутрь, не

чувствуя под собой ног.

Ночь я проспала на пассажирском сиденье, закутавшись в его пальто; к утру от обогревателя пересохло горло. От предложенного завтрака отказалась — кусок не лез. Утром я всё-таки вышла из машины Александра: мне нужно было хотя бы попробовать дозвониться Виктору без чужого человека рядом. Детектив дал запасной телефон и остался ждать. Мороз кусал за щиколотки, как голодная собака. Я стояла у стеклянной двери круглосуточной аптеки на Невском, чувствуя, как ледяной ветер пробирается под тонкое пальто и блузку — вчера я даже не успела переодеться после смены. Внутри пахло антисептиком и теплом. Там была жизнь. А я была мусором, который нужно выбросить до рассвета.

Нажала кнопку звонка. Дверь не открылась. Снова. И снова. Пальцы одеревенели, ногти сломались о пластик панели.

— Помогите! — мой голос сорвался на визг, чужой и жалкий. — Мне нужна вода. Пожалуйста.

Внутри появилась фигура охранника. Он не спешил. Медленно подошел к стеклу, посмотрел на меня так, словно я была тараканом на кухне его богатой хозяйки. Прижал палец к интеркому:

— Уходите. Здесь не ночлежка. Вы нарушаете покой граждан.

Я рванула дверь на себя. Запертая дверь не поддалась; рывок отдался болью в плече. Я вцепилась в ручку, хрипя, задыхаясь от холода и унижения.

— Я врач! — выкрикнула я в стекло, видя свое отражение: растрепанные волосы, синие губы, глаза безумной. — Впустите меня! Мне просто нужно согреться!

Охранник достал телефон, вызывая полицию или службу безопасности. Его лицо было каменным. В этот момент что-то внутри меня оборвалось. Не ниточка надежды, а веревка стыда. Я перестала дергать дверь. Отступила на шаг. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Запомни мое лицо, — процедила я сквозь зубы, хотя он меня не слышал. — Ты еще пожалеешь, что закрыл передо мной эту дверь.

Он нахмурился, разглядывая меня через стекло. Но я уже развернулась и пошла прочь, оставляя за собой след из влажных шагов на снегу. Злость согревала лучше любой куртки. Это было первое тепло за последние часы.

Парк Александровского сада встретил меня тишиной заснеженных деревьев. Я села на скамейку, ту самую, где полгода назад дочь кормила белок орехами. Ладони дрожали так сильно, что телефон чуть не выпал из рук. На экране горело имя «Виктор». Один гудок. Второй. Третий. Щелчок. Сброс.

Попробовала снова. Блокировка. Номер недоступен.

Я набирала его тридцать раз подряд, пока пальцы не побелели от напряжения. Каждый сброс был ударом хлыста по моей гордости. Я ждала, что он возьмет трубку, вздохнет и скажет: «Прости, это ошибка, я шучу». Или хотя бы спросит, где мои документы.

Но там была только тишина и короткие гудки.

Виктор не шутил. Он стер меня с лица земли.

Голова закружилась от голода и шока. Я прижала телефон к груди, чувствуя, как металл впивается в кожу. Потом резко встала и швырнула аппарат об спинку скамейки. Экран треснул, разлетевшись паутиной осколков. Тишина после этого звука оглушила. Я подняла аппарат со снега. На экране расползлась чёрная полоса. Даже чужую помощь я умудрилась разбить.

Глава 3

Именно тогда тень легла на снег рядом со мной.

— Красиво бьете, — низкий, хрипловатый голос. Не угрожающий, скорее констатирующий факт.

Я обернулась. Александр в дорогом темно-синем пальто стоял, заложив руки в карманы. Лицо в полумраке фонарей казалось высеченным из гранита: резкие скулы, холодные серые глаза. Он не улыбался. Он изучал меня, как хирург изучает опухоль перед вскрытием.

— Оставьте меня в покое, — сказала я, инстинктивно отшатываясь. Я всё ещё помнила, как Виктор забрал у меня телефон. Любая протянутая рука теперь казалась угрозой. Этот мужчина выглядел опаснее любого коллектора. В нем чувствовалась власть денег и насилия.

— Марина Соколова, — произнес он мое имя так, будто оно было кодом доступа. — Или правильнее сказать, бывшая? Ваш муж очень любит порядок. Даже в уничтожении людей.

— Вы следили за мной? — спросила я.

— Не хотел терять свидетеля, которого нашёл вчера.

Он сделал шаг ближе. Запах дорогого табака и морозного воздуха окутал меня. Опасность исходила от него волнами, густыми и тяжелыми.

— Я знаю, что вас уволили сегодня утром. Знаю, что вы

лишились всего. И знаю, почему.

Я попыталась уйти, споткнувшись о коряги, торчащие из сугроба. Александр перехватил меня за локоть. Его хватка была железной, но не причиняющей боли. Просто непреодолимой.

— Слушайте сюда, доктор. Виктор не просто подлец. Он хищник. И он оставил вам одну лазейку. Хотите её увидеть?

Он отпустил меня и протянул лист бумаги. Распечатка банковского перевода. Дата вчерашняя. Время: ровно за час до того, как он выставил меня из дома. Сумма: двести тысяч долларов. Получатель: Елена Корнева. Дочь главного инвестора клиники.

Я смотрела на цифры, и мир вокруг меня начал распадаться. Это не импульсивная жестокость. Это было спланировано. Детально. Цинично. Пока я стояла у операционного стола и думала, как рассказать Виктору о спасённом пациенте, он уже покупал себе новую жизнь. Новая невеста. Новые деньги. Старая жена — балласт, который нужно было списать.

Боль сменилась чем-то другим. Холодным, расчетливым. Я увидела врага не как абстракцию, а как конкретную цель с уязвимостями. Он не бог. Он человек. И у него есть цена.

— Что вам нужно? — спросила я, возвращая лист. Голос стал ровным. Ни слезинок. Ни истерики. Только сталь.

Александр усмехнулся. Коротко, сухо.

— Информация. Вы войдете в круг Виктора и Елены. Став их прислугой, сиделкой, кем угодно. Соберете доказа-

тельства того, что он фальсифицирует медицинские отчеты и крадет интеллектуальную собственность. Я дам вам доступ к его личному архиву через его же ошибки.

— Зачем вам это?

— Потому что его деньги — чужие деньги. И мне нужно доказать, откуда они взялись.

Он посмотрел мне прямо в глаза. В них плясали чертики цинизма.

— Условия простые. Я обеспечиваю вам крышу над головой, восстановление документов и защиту. Вы работаете на меня. Если сольетесь раньше времени — я не стану вас спасать. Вы будете одна против двух богатых ублюдков.

— Какова цена? — спросила я. Я понимала, что соглашаюсь на сделку с дьяволом. Но этот дьявол давал мне оружие.

— Ваша гордость, — ответил Александр. — Вы будете прислугой, пока не станете хозяйкой положения. Будете терпеть унижения, собирать крошки информации, лгать в лицо тем, кто вас презирает. Вы готовы стать грязной, чтобы вытащить его из тени?

Я вспомнила лицо охранника в аптеке. Вспомнила блокировку номера. Вспомнила, как дочь смотрела на меня, когда Виктор объявил, что отправляет её в интернат.

— Да, — сказала я. Слово повисло в морозном воздухе, твердое, как камень.

— Но дочь — не после твоего расследования, — добавила я. — Мы уже видели распоряжение. Я хочу оспорить его

сейчас.

Он вынул из папки ещё один лист: имя адвоката и время встречи.

— В десять она ждёт тебя. Я передал снимок, остальное ты расскажешь сама. В суде понадобятся твоя подпись и показания, не мои обещания.

Я сложила лист и убрала его так, чтобы не потерять. Впервые со вчерашнего вечера у меня было место, куда я могла прийти не за милостью.

Александр кивнул, доставая из внутреннего кармана связку ключей и толстую пачку наличных.

— Квартира на Мойке. Студия. Там есть все необходимое. Но сначала испытание. Позвоните матери. Скажите, что все хорошо. Что вы нашли работу, что Виктор одумался. Если она почувствует ваш страх или услышит правду — сделка отменяется. Я не работаю с теми, кто не умеет держать язык за зубами.

Это было жестоко. Проверка на прочность через ложь любимому человеку. Но я взяла его телефон. Набрала номер мамы. Руки не дрожали.

— Алло? Мам? — мой голос звучал удивительно бодро.

— Маринка? Где ты? Почему не отвечаешь? Мы с отцом волнуемся...

— Все нормально, мам. Я задержалась на работе. Виктор немного... устал, мы поговорим завтра. Я в порядке. Правда. Не переживай.

Мама успокоилась, пробормотав что-то про чай и сон. Я повесила трубку. Тишина обрушилась на меня, как лавина. Я прислонилась спиной к стволу дерева и заплакала. Беззвучно, широко открыв рот, чтобы не издавать ни звука. Слёзы текли по щекам, смешиваясь со снегом, тая на губах. Боль была невыносимой. Но я не отказалась от ключей. Я вытерла лицо рукавом нового пальто, которое Александр молча положил мне на плечи. Оно пахло им. Запахом опасности и власти.

Мы шли к элитному жилому комплексу в центре города. Александр держался на расстоянии вытянутой руки, не касаясь меня, но загораживая собой порывы ветра. Его молчание было громче слов. Он не утешал. Когда я остановилась у перехода, тоже остановился и подождал, пока я сама шагну вперёд.

Квартира была стерильно чистой. Минимализм, кожа, темное дерево. Никаких личных вещей, кроме таблички с именем хозяина на стене. Я прошла в ванную, включила свет.

В зеркале отражалась чужая женщина. Бледная, с покрасневшей от ветра шеей. Я умылась тёплой водой, но под глазами остались тёмные круги. Нужно было запомнить это лицо: вот до чего Виктор довёл меня за одну ночь.

Я вышла в комнату. В папке на столе лежала записка. Почерк Виктора. Знакомый до тошноты, аккуратный, с нажимом.

«У тебя нет права голоса, Марина. Ты — функция. Не пытайся вернуть то, чего никогда не имела».

Сердце сжалось. Откуда Александр достал эту записку?

— Она лежала в его папке для адвоката, — сказал он, заметив мой взгляд. — Передали вместе с копиями финансовых документов. Хотел, чтобы ты прочитала.

— Не подсовывай мне его слова в следующий раз. Я и без тебя слышала достаточно.

Он сжал губы, но папку больше не пододвигал. Пришлось прочитать ещё раз: Виктор и на бумаге говорил со мной как с вещью.

Я не порвала записку. Не сожгла. Я аккуратно сложила её и положила во внутренний карман пальто. Рядом с ключами. Рядом с деньгами.

Это был мой первый трофей. Доказательство того, что я жива и помню.

Я подошла к тумбочке. Внутри лежала папка. Темная, плотная бумага.

Открыла.

Первая страница. Фотография женщины. Светлые волосы, улыбка, которая выглядит натянутой. Подпись: «Елена Соколова. Первая жена. Самоубийство. 3 года назад».

Рядом красным маркером крупно, жирно написано слово, которое заставило мою кровь застыть в жилах:

«САМОУБИЙСТВО?»

Александр стоял у окна, спиной ко мне. Он не обернулся,

но я знала: он слышал, как я ахнула.

Виктор не просто разводился со мной. Он хоронил жен. Одна за другой.

И я была следующей.

Глава 4

Зимний Петербург пахнет мокрым асфальтом и чужой бедностью, но внутри большой квартиры бабушки Елены пахло лавандовым кондиционером и дорогим парфюмом. Галина Петровна сама ответила на мой звонок по объявлению о сиделке. Я назвала фамилию, сказала, что уволена, и предложила медицинский уход. Она попросила прийти на пробный день. Елена, узнав меня, обрадовалась возможности командовать бывшей женой жениха; Виктору сказала, что голодная Марина теперь будет держаться за любую работу. Он разрешил — под своим присмотром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.